

Александр
Завьялов – Фирс

ЭКРАН И СЦЕНА, ЖИЗНЬ И СУДЬБА

Фото: Виктор Васильев

Ольга Фукс

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД ЛЕВ ДОДИН ПЕРВЫЙ РАЗ ПОСТАВИЛ «ВИШНЁВЫЙ САД», И С ТЕХ ПОР ЧЕХОВ ПОСТЕПЕННО ЗАНЯЛ МЕСТО ГЛАВНОГО ДРАМАТУРГА ДОДИНСКОГО ТЕАТРА. С НОВЫМ «ВИШНЁВЫМ САДОМ» ЗАМКНУЛСЯ ЧЕХОВСКИЙ КРУГ. И ВМЕСТИЛ В СЕБЯ ЦЕЛУЮ ЖИЗНЬ: ТАЙНЫЕ И ЯВНЫЕ ЗНАКИ ЭТОГО ТЕАТРА, ЛЕТОПИСЬ ДОМА ЗАШИФРОВАНА В ЦИТАТАХ ИЗ ДРУГИХ СПЕКТАКЛЕЙ ДОДИНА, ВПЛЕТЕНА В ЧЕХОВСКИЕ СТРОКИ.

Сцену здесь решительно отсекли занавесом-экраном: никаких тебе четвёртых стен и взгляда снизу вверх на небожителей-актёров. Для игры остались два прохода в зале, поперечный и продольный, – крест жизни, на котором, сами того не ведая, распяты все. Так что идеальное место для этого «Вишнёвого сада» – зал самого МДТ, совсем небольшой и аскетичный. В нём каждый нюанс виден как на ладони: поворот головы, взгляд, вздох, нервно бьющаяся жилка.

Всё здесь кричит о скором отъезде и долгом отсутствии, о том, что жизнь и уют были временны, а неурядицы постоянны. В проходе стоит стремянка, остатки мебели закрыты чехлами, и то, что Дуняша (Полина Приходько) подала впопыхах кофе без сливок, разгневав хранителя очага и порядков

Фирса (Алексей Завьялов), вполне объяснимо – какие уж тут сливки.

«Воздух... Какой воздух...» – бьются голоса за стеной. В зал влетает Раневская (Ксения Раппопорт), с болезненным изумлением смотрит вокруг – какое всё ветхое, убогое, родное. Мечется, как раненая серна. В суматохе приезда нелепо проспавший Лопухин (Данила Козловский) – спросонья особенно деятельный – торопится презентовать свой проект по спасению сада. Именно так: презентовать проект, к которому он подготовился очень основательно – нашёл старые видеозаписи, сделал слайд-шоу с картами и экономическими выкладками космической прибыли от продажи сада. Разлиновал и вогнал в графики и схемы аромат и тени вишен. А ничего не поделаешь – время такое: новая экономическая реальность. Перестраиваемся, граждане, перестраиваемся.

Идеальный вишнёвый сад остался на плёнке (снятой знаменитым оператором Алишером Хамидходжаевым) – в рваной, прыгающей записи немой фильма, где кипит и пенится белое цветение вишни, где молода Раневская, элегантен Гаев, Аня ещё девочка, а между деревьев бегают резвый Гриша. А потом, присев на хлипком мостике, замороженно смотрит на бурный поток реки, который скоро его поглотит. В финале занавес обернётся глухим забором – такими отгораживаются сейчас от мира дачи, дачи, дачи, что «по

Фото: Виктор Васильев

Екатерина Тарасова – Аня, Игорь Черневич – Гаев, Елизавета Боярская – Варя

Д.Козловский –
Лопухин,
К.Раппопорт –
Раневская

Фото: Виктор Васильев

В паузах между фразами так и не решившегося жениться Лопухина эти двое исчезают и появляются вновь – растрёпанные и растерянные. В глазах Вари плещется гордость и впервые за всё время – покой: она всё-таки любила!.. «Вы куда же теперь, Варвара Михайловна?» Вопрос Лопухина – тот удар чужого предательства и собственного греха, от которого влюблённая религиозная Варя не оправится уже никогда. Но в тот момент устоит, соберёт все силы и ответит бесцветным голосом: «К Рагулиным, договорилась к ним смотреть за хозяйством».

Тёмная, страшная, нутряная энергия разрушения владеет и ведёт едва ли не каждого мужчину. Исклечения – только вечный ребенок Гаев (Игорь Черневич) и вечный студент Петя

Екатерина Тарасова – Аня,
Олег Рязанцев – Петя Трофимов

Фото: Виктор Васильев

двадцать пять рублей за десятину», то есть на престижных направлениях. И на заборе будет уже совсем другая проекция: герои «Вишнёвого сада» в исподнем, точно выведенные на растеря, – роковое будущее не пощадит ни инфантильных дворян, ни хватких дельцов, ни вечных студентов.

Считается, что Чехова на образ вишнёвого сада вдохновили запущенные дворянские усадьбы близ Сум Харьковской губернии, где он отдыхал в имении Линтварёвых, когда у него появились первые замыслы будущей пьесы. Лев Додин искал идеальный вишнёвый сад для съёмки и в России, и на Украине, но нашёл в Германии. Правда, несколько раз пришлось менять билеты – капризный красавец-сад, находящийся под охраной ЮНЕСКО, не хотел зацветать по расписанию.

Экран-занавес, повешенный Лопухиным, так и останется висеть весь спектакль в память о фотографически точном и совершенно недоступном рае. Там, за экраном, в зазеркалье рая, всё время происходит что-то запретное, тёмное, страшное, доламывающее судьбы. Еврейский оркестрик наяривает похоронный гопак по вишнёвому саду, и пьяный от покупки века Лопухин отплясывает на его могиле, отбрасывая скачущую чёртиком тень. Туда, за занавес, мужчины увлакивают женщин, как хищники добычу: хамоватый Яша (Станислав Никольский) – Дуняшу, а Лопухин – Варю (Елизавета Боярская).

(Олег Рязанцев), всё понимающий, но избравший неучастие в общей судьбе. С ней знаком даже суровый и жёсткий Фирс, в молодости отсидевший в остроге (эпизод, взятый из чернового варианта пьесы) и навсегда возненавидевший «волю». Даже Епиходов (Сергей Курьшев), который тяжело, страстно, как любят в последний раз, полюбил вертихвостку Дуняшу и измором добился её согласия – а свежий кровоподтёк у неё под глазом свидетельствует, что расплачиваться за пашни с Яшей ей придётся тяжело и долго (да и кий этот огромный человек явно сломал о спину обидчика).

И только Лопухин смог подчинить и оседлать эту стихию. Красивый, ловкий, со звериным чутьем и звериной хваткой в состоянии гона.

Фото: Виктор Васильев

Данила КОЗЛОВСКИЙ и Елизавета БОЯРСКАЯ получили премии Фонда имени Станиславского за лучшие актёрские работы прошлого сезона, а также выдвинуты на соискание премии «Золотая маска». Вместе с ними на эту премию претендуют Ксения Раппопорт, Александр Боровский, Дамир Исмагилов, Лев Додин и сам спектакль.

Родом из страшного детства, где не было ничего, кроме побоев. Последний, который стал первым, но не забыл (да и не дадут ему забыть дворяне – белая кость), каково это – быть последним. Который берёт своё быстро, нахрапом – сад ли, женщину ли. И быстро, легко отбегаёт, если «добыча» не даётся. Санитар леса, убиравший слабых – хоть прекрасную барыню Раневскую, которой он презрительно сунет в руки коробки с плёнкой о вишнёвом саде, хоть юродивую клоунессу Шарлотту Ивановну (Татьяна Шестакова), которую он, живую, прикажет вынести вперёд ногами за то, что когда-то показала ему своё презрение. «Вишневый сад»-2014 – это спектакль Лопухина, триумф Лопухина, которым режиссёр заставляет нас любоваться и содрогаться, давая понять, почему приход таких людей неизбежен.

SCREEN AND STAGE, LIFE AND FATE

Photo by Victor Vasiliev

Ksenia Rappoport as Ranevskaya

Olga Foux

IT WAS TWENTY YEARS AGO THAT LEV DODIN STAGED "THE CHERRY ORCHARD" FOR THE FIRST TIME. SINCE THEN, CHEKHOV GRADUALLY BECAME THE CHIEF PLAYWRIGHT OF DODIN'S THEATRE. WITH THE NEW PRODUCTION OF "THE CHERRY ORCHARD" THE CHEKHOV CYCLE CAME FULL CIRCLE. AND IT CONTAINED A LIFE'S WORTH OF INFORMATION: THE THEATRE'S HIDDEN AND VISIBLE SIGNS, THE CHRONICLES OF THE HOUSE ARE ALL ENCRYPTED WITHIN EXCERPTS FROM DODIN'S OTHER PRODUCTIONS, WOVEN INTO CHEKHOV'S LINES.

Here, the stage was cut off resolutely with a screen curtain: no more fourth walls and looking up at the actor deities. The only place left for actors to perform are the two aisle ways in the theatre auditorium, the lateral and the longitudinal one – like the great crucifix of life upon which we all are hung, unawares. So the ideal place for this "Cherry Orchard" is the auditorium of the Maly Drama Theatre itself, very small and ascetic. Here, every nuance is plain to see: every turn of the head, every glance, every sigh, every nervously pulsating vein.

Everything here screams of an impending departure and a lengthy absence, of the fact that life and comfort were temporary, while troubles – permanent. A stepladder stands in the aisle way, what's

left of the furniture is hidden beneath slipcovers, and it is quite understandable that Dunyasha (Polina Prikhodko) in her haste served coffee without cream, thereby angering Firs (Alexei Zavyalov), keeper of the hearth and order. Cream here is the last thing from anyone's mind.

"The air... Oh, the air..." pulsate voices behind the wall. Ranevskaya (Ksenia Rappoport) bursts into the auditorium, looks around her in morbid wonder – everything here is so rundown, so miserable, so dear. She rushes about like a wounded chamois. Lopakhin (Danila Kozlovsky), having ridiculously overslept and being overly energetic upon waking, is in a hurry to present his orchard saving project in the turmoil of the arrival. That's exactly right: he wants to present a project he had really done his homework on – found old video clips, made a slide show with maps and economic data on the astronomical profits from the sale of the

Photo by Victor Vasiliev

Danila Kozlovsky
as Lopakhin

Tatiana Shestakova
as Charlotta Ivanovna

Photo by Victor Vasiliev

orchard. Lined the paper and force-fit the scent and the shade of cherry trees into the diagrams. Nothing you can do here – such are the times we live in: the new economic reality. Time to change our ways, ladies and gentlemen, time to change our ways.

The perfect cherry orchard was left on film (made by the famous cinematographer Alisher Khamidkhodjaev) – a torn, jumpy recording of a silent movie, where the white cherry blossoms effervesce and sparkle, where Ranevskaya is young, Gayev is elegant, Anya is still a little girl, and the vivacious Grisha runs around among the trees. And then he sits down on a rickety bridge and looks spellbound at the turbulent flow of the river that would soon swallow him up. In the finale the curtain will become a solid fence – the kind dachas use to separate themselves from the outside world, the types of dachas that are “twenty-five rubles a dessiatina*”, in

other words, those in the upscale area. An altogether different imagery will be displayed against the fence: the characters of “The Cherry Orchard” standing in their undergarments, as though awaiting their execution – the fateful future will spare neither the puerile nobles, nor the crafty merchants, nor the eternal students.

It is believed that the imagery of Chekhov’s “Cherry Orchard” was inspired by unkempt noble estate grounds near the Sumy-Kharkov province. It was there during his stay at the Lintvarevy estate that the initial design of the future play was conceived. Lev Dodin searched for an ideal cherry orchard for filming both in Russia and in Ukraine, but was only able to find it in Germany. Admittedly, he was forced to change the tickets several times – the beautiful but whimsical orchard, which is under the guardianship of UNESCO, refused to bloom on schedule.

The curtain screen hung by Lopakhin will remain there throughout the entire performance as a reminder of the photographically precise and perfectly inaccessible paradise. Something forbidden, dark and terrible is always happening there behind the screen, in the mirror-world of paradise, something that completes the total destruction of people’s lives. A small Jewish orchestra bangs out a funeral hopak for the cherry orchard, and Lopakhin, drunk with the purchase of the century, dances on its grave, casting a shadow that jumps around like a little devil. It is there, behind the screen, that men drag their women,

Ekaterina
Tarasova as Anya,
Igor Chernevich
as Gaev, Elizaveta
Boyarskaya as Vera

Photo by Victor Vasiliev

like predators their prey: the loutish Yasha (Stanislav Nikolsky) does it with Dunyasha, and Lopakhin – with Varya (Elizaveta Boyarskaya).

These two disappear during the short intervals between the lines delivered by Lopakhin, who never did resolve to get married, and reappear once more – disheveled and bewildered. Varya’s eyes are brimming with pride and for the first time serenity as well: finally, she is loved!.. “Where are you going now, Varvara Mikhailovna?” Lopakhin’s question is a blow of another’s betrayal and one’s own sin that the enamoured, religious Varya will never recover from. But at that moment she will hold her ground, gather all her strength and respond in a bleak voice: “To the Ragulins. I’m supposed to go and keep house for them, to be a housekeeper or something.”

The dark, terrifying gut energy of destruction that possesses and guides virtually every man. The only exceptions are Gayev (Igor Chernevich), the eternal child, and Petya (Oleg Ryazantsev), the eternal student, who understands it all but chooses not to take part in the common destiny. Even the stern and tough Firs, who was imprisoned in his youth (an episode taken from a rough draft version of the play) and grew to hate “freedom” for all eternity, is no stranger to it. Neither is Yepikhodov (Sergei Kuryshv), who fell hard and passionately in love with the flirty Dunyasha, like do those with the last chance at love, and wore her down into accepting him – but the fresh bruise under her eye is testament to the fact that she will be paying hard for her little affair with Yasha and for a long time to come (and this giant of a man clearly broke a pool stick over his offender’s back).

Lopakhin was the only one able to subdue and harness this power. Handsome, cunning, with beast-like instincts and the grip of an animal during the rut. Hailing from a terrible childhood full of nothing but beatings. One, who was always last and became first, but never

Photo by Victor Vasiliev

Danila KOZLOVSKY and Elizaveta BOYARSKAYA won the Stanislavsky Foundation awards for best performances of the last theatre season, and were also nominated for the Golden Mask award. Other nominees for the Golden Mask award include Ksenia Rappoport, Alexander Borovsky, Damir Ismagilov, Lev Dodin and the production itself.

did forget (not that the nobles – the blue bloods – would ever let him forget), what it was like to be last. The one who quickly, forcefully takes what is his – whether it be an orchard or a woman. And quickly, easily runs aside if the “prey” refuses to be taken. A forest purger, who weeds out the weak – whether it be the beautiful madam Ranevskaya, to whom he gives the reel cases that contain the cherry orchard film, shoving them disdainfully into her hands, or the feeble-minded clowness Charlotta Ivanovna (Tatiana Shestakova), whom he will have carried out, alive, feet first for daring to show him her disdain at one point in time. “The Cherry Orchard”-2014 is Lopakhin’s play, Lopakhin’s triumph, and the director forces us to admire him and shudder at the sight of him, making it clear why the ascension of people like these is inevitable.

* *dessiatina* – old Russian measure of land that equals about 2.7 acres